

протест против отчуждения человека, против его порабощения, сковывания вещами, деньгами.

Разве его бродяги — с их презрением к копейке, к мещанскому быту, с их стихийным протестом против этого быта, покушающегося на их свободу — не есть тот же протест против подобного «сковывания» человека, против его дегуманизации? И не случайно герои его ранних произведений показаны на фоне свободной природы — моря, гор и бескрайних степей. И как парадоксальная реплика этим героям являются те страницы романа Перека, на которых звучит где-то глубоко скрытая горечь писателя за оглушенного и затерянного в мире вещей человека: „Après quelques mois d'une trop insouciant allégresse, qu'ils ne sauraient suffire à leur faire oublier les défauts de leur demeure. Habitues à vivre dans des chambres insalubres où ils ne faisaient que dormir, et à passer leurs journées dans des cafés, il leur fallut longtemps pour s'apercevoir que les fonctions des plus banales de la vie de tous les jours — dormir, manger, lire, bavarder, se laver — exigeaient chacune un espace spécifique, dont l'absence notoire commença dès lors à se faire sentir“¹.

А Сатин — разве не уходит он добровольно на дно, чтобы освободиться от власти того, что вышеупомянутый художник называет „un guerre d'usage“, „dont ils ne sortiraient jamais vainqueurs“¹.

Но и у зрелого Горького, у его автобиографического героя разве не вызывает желание заорать, разбежаться и разбить голову о стену именно тот одурманивающий запах, который напоминает ему о мещанском быте; и этот запах, также как и колокольный звон превращаются на страницах горьковских произведений в символический, враждебный сущности героя образ мещанства. При этом нельзя не отметить, хотя бы вскользь, что под мещанством Горький понимал отнюдь не только определенную социальную прослойку, а определенное состояние души человека, человека порабощенного и покоренного вещами, «богом копейки», по его выражению.

Все творчество Горького, обращенное к человеку, противостоит эстетике распада личности, какому бы то ни было обесмысливанию человеческого существования. Оно заострено в то же время против представлений о человеке, как о существе злом, порочном или жалком и бессильном — бытующего в некоторых умах и наших дней. Слова из горьковской пьесы *На дне*: «Человек ... Это звучит... гордо», — ставшие широко известным афоризмом, были девизом писателя на протяжении всей его творческой деятельности.

*

Когда в 1918 году Ромен Роллан писал Горькому следующие строки: «Вы родились на ущербе зимы, на рубеже зарождающейся весны, в пору приближения равноденствия. Это совпадение символизирует Вашу жизнь, которая

¹ Georges Perec, *Les choses. Une histoire des années soixante*, Paris, 1965, p. 19.

² Там же.